

Н.И. Греков

**История шахматных
состязаний**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.8
ББК 77.056я92
Н11

Н11 **Н.И. Греков**
История шахматных состязаний / Н.И. Греков – М.: Книга по Требованию,
2015. – 200 с.

ISBN 978-5-458-63221-8

Историческая монография, посвященная описанию международных и советских шахматных состязаний. Дан полный перечень значительнейших турниров и матчей; результаты 174 турниров показаны на таблицах. Приведены условия состязаний в разные времена, описана бытовая обстановка состязаний в разные эпохи, помещены биографии известнейших шахматистов. В приложениях даны подробные перечни выступлений всех советских и виднейших иностранных мастеров. Описание событий доведено до начала 1937 года.

Издание 2-е, переработанное и дополненное.

ISBN 978-5-458-63221-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Подводя итоги всем сделанным для 2-го издания изменениям, я хотел бы отметить, что основная и общая цель всех переработок и дополнений—сделать книгу возможно более отвечающей потребностям советского шахматиста, в огромном большинстве чрезвычайно серьезно относящегося к нашему прекрасному искусству и стремящегося не только практически изучить шахматную игру, но интересующегося и историей ее.

Я пользуюсь случаем высказать благодарность всем товарищам, указывавшим погрешности в 1-м издании и дававшим мне советы в связи с подготовкой 2-го издания книги.

Н. ГРЕКОВ

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К 1-МУ ИЗДАНИЮ

Цель книги—дать историю шахматных состязаний—нуждается в уточнениях и пояснениях.

Основной вопрос,—о каких именно из бесчисленного количества происходивших и происходящих состязаний должна идти речь? Предопределенные крайне ограниченные размеры книги—эта ограниченность размеров книги связывала меня в очень многом!—побудили меня говорить в данной книге лишь об очень небольшом количестве состязаний,—именно, только о состязаниях, имеющих ме ж д у н а р о д н ы й х а р а к т е р. Правда, это последнее определение надо расшифровать; если совершенно ясно, что большие международные турниры имеют международный характер, то далеко не ясно, где именно проходит грань, отделяющая состязания, имеющие международный характер, от такого же не имеющих. И, конечно, установить объективные признаки, на основании которых можно было бы каждое состязание, вызывающее в данном отношении сомнения, поставить по сю или по ту сторону грани, невозможно. По отношению к некоторым небольшим или смешанным турнирам и матчам между не-первоклассными мастерами приходилось решать вопрос субъективно. И наоборот,—иногда представлялось важным упомянуть некоторые национальные турниры (правда, обычно только нескольких победителей их).

Результаты значительнейших из упомянутых в книге турниров даны на таблицах, другие отмечены лишь в форме перечня участников с результатами их игры, наконец относительно третьих (наименее значительных) даны лишь имена первых победителей. Такое деление на три группы продиктовано было степенью значительности того или другого турнира.

Поскольку для данной области никогда не был собран и сгруппирован даже сырой материал, я считал своей задачей прежде всего стремиться твердо сделать первый шаг, т. е. дать тщательно проверенный фактический материал: таблицы или результаты турниров, матчей и другие данные, согласно плану книги.

Наряду с результатами, я считал необходимым упоминать, кто был организатором турнира, и отмечать характернейшие черты программы турнира: форму состязания (на турнирах в старину иногда играли между собой не отдельные пар-

тии, а матчи), счет ничьих, счет партий выбывшего из турнира участника, количество и размеры призов, учет времени для обдумывания ходов, иногда—принципы выбора приглашенных участников, наконец бытовые условия и обстановку турниров. На основании изложенного я вскрывал классовый характер турниров, а также зависимость их от общего общественно-политического и экономического уклада жизни данной эпохи или страны. Конечно, все эти черты отмечались по отношению к тем турнирам, где те или другие условия были представлены в каком-нибудь отношении своеобразно. Все сказанное о турнирах относится, само собой разумеется, в полной мере и к матчам. О значительнейших из состязаний даны отзывы современников. Наконец приведены биографические сведения о крупнейших мастерах былых времен.

Теперь вопрос об источниках, вопрос для данной области, как совершенно не разработанной, особенно острый. Главными и наиболее надежными источниками для данной области являются шахматные журналы. И в них, прежде всего, сообщения о современных шахматных событиях.

Далее, есть ряд прекрасных монографий, посвященных какому-либо состязанию или выдающемуся шахматисту: в общем это хороший источник, но не всегда... Беру, например, одну из наиболее распространенных у нас книг, касающуюся данной области—«Словарь шахматиста» (изд-во «Шахматный листок»). В этой книге под именами шахматистов имеются как бы небольшие, посвященные им монографии. Не будут касаться поистине огромного количества погрешностей в исторической части этой книги (только ее я и касаюсь), укажу лишь одну разновидность их: нередко каждый из двух играющих матч, по данным автора исторической части книги, играет со своим противником другое количество матчей или партий, чем его противник с ним... Напр., под словом «Чигорин» сообщается, что Чигорин выиграл у Шифферса четыре матча, а под словом «Шифферс» сказано, что Шифферс выиграл у Чигорина один из се и матчей*. Под словом «Андерсен» мы узнаем, что Андерсен выиграл один матч у Колиша, окончив другой в ничью; под словом «Колиша» сообщается, что Колиша выиграл один из матчей у Андерсена. Вопрос: сколько же было на самом деле матчей между Колишием и Андерсеном? Как будто бы не меньше трех. Но разгадка неожиданная: в действительности сыгран был один единственный!**. Различны в двух случаях результаты матча Андерсен—Морфи и т.д.

Как ни неприятны эти случаи неряшлиности, однако с точки зрения трудности исторического исследования—они не характерны; ведь упомянутые издания не должны рассматриваться как источники. Эти случаи характерны в другом отношении,—как пример того, насколько небрежно (а потому и в неверном виде) подаются сведения по истории шахматных состязаний читателю.

Приведу пример одного действительно хлопотливого исследования. Один из трех знаменитых матчей легендарного Морфи, именно его матч с Левенталем окончился с результатом... Но откуда взять результат? В целом ряде изданий находим результат этого матча +9, —3, =3 (конечно, тот же «Словарь», работы Бахмана***, статьи в разных журналах,—например, в «Шахматах» Чигорина за

* Возникает подозрение, не были ли сыграны два матча между ними в ничью. Однако в другой своей работе, «История шахматной игры в России» (стр. 118—119), автор исторической части «Словаря» М. С. Коган приводит с перечислением дат (не всегда верных) все сыгранные, по его мнению, матчи между Чигориным и Шифферсом и насчитывает их пять; т. Коган из трех раз не угадал ни разу: матчей было не пять и не семь, а шесть.

** Ср. Dr. H. von Gottschall. Adolf Anderssen. Leipzig 1912.

*** Очень известный немецкий шахматный историк, к работам которого надо, однако, относиться очень осторожно. Одна из его работ, «Шахматная игра в ее историческом развитии», переведена на русский язык (Л., 1925).

1894 г.—жунал, вообще говоря, исключительно высокого качества). Этот результат матча +9, —3, =3 перепечатывали безоговорочно друг у друга все авторы. Однако, в этом результате есть две странности: во-первых, в печати никогда не появлялось больше 14-ти партий, 15-я не печаталась никогда: а во-вторых, непонятно было следующее: матч был до 9-ти выигранных партий: после 14-ти партий положение было в пользу Морфи +9, —3, =2. зачем была играна 15-я, окончившаяся вничью? Ответ на эту неясность, казалось бы, можно поискать в специальной и притом чрезвычайно ценной монографии Géza Maróczy «Paul Morphy», но из этого труда мы неожиданно узнаем, что результат матча был +10, —5, =4. т. е. всего было сыграно 19 партий! (Как курьез можно отметить, что редактор русского издания этой книги, не удовлетворившись приведенными в работе Мароци результатами, счел нужным после 14-й партии сделать еще такое наводительное «Прим. ред.»: «Остальные 5 партий матча в немецком подлиннике не приведены. Общий результат матча +10, —4, =5 в пользу Морфи». Интересно, редактор русского издания повторил это так, «на всякий случай», или это результат его самостоятельных исследований...). Куда обращаться дальше? Быть может, в журналах за 1884 г. (год смерти Морфи), в некрологах, посвященных гениальному американцу, есть достоверные данные? У меня под руками оказались два журнала за 1884 г.: «Chess Monthly» и «Deutsche Schachzeitung». Первый из них (1884, стр. 361) дает уже знакомый нам странный результат +9, —3, =3. Солидный, серьезный «D. Sch.» (стр. 258) дает нечто совершенно новое: +12, —4, =5, т.-е. всего 21 партия! У нас таким образом получается целый ряд различных «результатов» матча Морфи—Левенталь: +9, —3, =3, затем +10, —4, =5 и наконец +12, —4, =5, причем все эти «результаты» взяты из солидных, казалось бы, вполне заслуживающих доверия источников. И самое грустное то, что все они неверны!

Этот несколько громоздкий пример показывает, как сложны исследования в данной области, как трудно иногда установить факт честную сторону шахматных состязаний. Конечно, это случай отнюдь не единственный.

Теперь несколько слов о транскрипции иностранных собственных имён.

В этом отношении в нашей шахматной печати большая бессистемность. В принципе придерживаясь правила передачи собственных имён по фонетическому признаку, мы все же достаточно часто грешим против него. В этой работе я попытался внести некоторые уточнения, но все же не решился изменять хотя бы неправильную, но прочно установленную у нас транскрипцию. Напр., я оставил имеющего почти 80-летнюю давность *Пауля Морфи*, хотя правильно было бы *Пол Морфи*. Я не решился посягнуть на привившегося в течение нескольких десятков лет *Маршилля* (правильно было бы *Маршал*).

Были у нас неправильности в передаче и не только английских собственных имён. Совершенно непонятно, почему молодого югославского мастера *Пирца* у нас обычно величали *Пирчем*. Однако, я не стал изменять древнего *Лопеца* (правильно *Лопес*).

На эту книжку затрачен труд, далеко не пропорциональный ее скромному размеру, однако это первая попытка методической критической работы в новой области; если она окажется и не вполне свободной от погрешностей, недостаточно полной, то все же она облегчит дальнейшие исследования.

Н. ГРЕКОВ

СОСТАЯЗАНИЯ ДО XIX ВЕКА

Первым видом состязания, следующим за обычной партией, была конечно «серия» партий между двумя противниками. Однако в ста-рину обычно не уславливались заранее, сколько партий между дан-ными противниками будет сыграно. Таким образом количество пар-тий в «серии» устанавливалось не до игры, а после нее.

О борьбе между корифеями былых времен—в виду отрывочности и легендарного характера сведений—можно сказать очень немногого. Обычно мы находим лишь короткие сообщения о результате встреч двух корифеев: один выиграл столько-то партий, а другой столько-то.

Очень часто, даже при встречах между известнейшими шахмати-стами, практиковалась дача вперед, которая имела место и в некото-рых матчах между знаменитостями первой половины XIX в. При низком уровне техники игры дача вперед, особенно пешки с ходом или с двумя ходами, большой роли не играла; нередко бывало, что игра велась на дачу вперед по настоящему не получающего, а даю-щего, желавшего таким путем сразу зафиксировать свое превосход-ство и иметь оправдание на случай возможного поражения.

В разные эпохи интерес к шахматам у некоторых народов подни-мался очень высоко. До 20-х годов XIX в., когда во всех культурных странах шахматы начинают прочно завоевывать широкую популяр-ность и неуклонно растущее признание, можно отметить три таких эпохи:

- 1) Эпоха расцвета арабской культуры, IX и X вв.
- 2) Эпоха Возрождения, особенно вторая половина XVI в. и нача-ло XVII в., в Италии, Испании, Португалии и Франции.
- 3) Вторая половина XVIII века, особенно во Франции и в Англии.

Период развития арабской культуры—первая известная нам эпоха расцвета шахматного искусства. Сохранились имена знаменитых араб-ских шахматистов, имеются упоминания о борьбе их между собой, однак о характере и обстановке этой борьбы ничего не известно.

В истории шахмат этой эпохи особенно почетное место занял араб Алль-Адли, живший в IX веке в Багдаде. Даже некоторые авторы нового времени ставят исключительно высоко его дарование. Так, например известный теоретик и этюдист Амелунг в своем исследо-вании борьбы ладьи против коня приводит анализ такого эндшипеля, сделанный Алль-Адли, и высказывает мнение, что этот арабский шахматист по ярости своего шахматного гения должен быть по-ставлен на ряду с Джоакино Греко и Морфи (ср. «Deutsche Schachzei-tung» 1900, стр. 102).

Шахматная игра среди арабов была чрезвычайно распространена, как об этом красноречиво свидетельствуют дошедшие до нас рукописи. Автор арабской рукописи 1257 г., хранящейся в Британском музее, говорит о разделении игроков на пять классов. Игрок второго класса, замечает он, не может без дачи вперед выиграть у игрока первого класса больше чем 2—3 партии из 10. Дальше следует перечисление дачи вперед игрокам разных классов. «Давать более ладьи,—заканчивает автор,—можно только женщинам, детям и начинающим».

В персидской рукописи, хранящейся в Английском Королевском Азиатском о-ве (Royal Asiatic Society) под № 16 856, перечислено 13 видов дачи вперед. Автор говорит о себе, что он с успехом играл пять партий не глядя на доску, сообщает и о других, игравших 4—5 партий, и рассказывает, что читал об одном игроке, игравшем не глядя на доску 10 партий*.

Красноречивым показателем популярности шахмат среди арабов того времени являются и несколько раз встречающиеся упоминания о шахматах в знаменитых арабских народных сказках «1001 ночь»; любопытно, что в одной сказке действующим лицом, прекрасной шахматисткой, является женщина**.

После упадка шахматного искусства, явившегося следствием общего понижения уровня культуры в эпоху безраздельного господства феодализма в течение следующих пятисот лет, второй период расцвета шахматного искусства наступил в эпоху Ренессанса. Как и все виды искусства, в то время шахматы процветали главным образом при дворах или находились в зависимости от меценатов***. Шахматы были чрезвычайно распространены в итальянских государствах, в Испании и во Франции.

В последней четверти XV в. произошла начавшаяся, повидимому, во Франции революция в шахматной игре, в результате которой взамен прежних, гораздо более ограниченных ходов фигур были введены те, которые мы знаем в нынешней шахматной игре. Эти изменения заключались в следующем: две слабейшие фигуры дреформенной игры, ферзь и слон, которые ходили только на соседнюю клетку или через одну клетку (в одних странах так, в других иначе), теперь получают право ходить через всю доску; сильнейшая фигура дреформенных шахмат, ладья, теперь уступает первенство ферзю. Пешка, ходившая только на следующую клетку, получила право первого хода через две клетки (как следствие этого, было введено взятие на проходе). Наградой пешке, сумевшей использовать данное ей право более быстрого движения, было превращение ее на 8-й линии в ферзя. «Уничтожение азиатской медлительности,—замечает

* Cp. L i n d e. Geschichte und Literatur des Schachspiels. Berlin 1874, стр. 116 и 120; D. F o r b e s. The History of Chess, London 1860, стр. 76.

** Cp. «1001 ночь», изд. «Academia», т. V, стр. 87—88.

*** A. van der L i n d e. Das Schachspiel des XVI. Jahrhunderts, стр. 52 сл. В этом отношении современный буржуазный шахматный мир сохранил многое от «доброго старого времени». Стоит, например, вспомнить, с каким подобострастным восхищением сообщают буржуазные шахматные журналы всего мира, что какой-нибудь Ротшильд по жертовал 200—300 франков в качестве приза за красивейшую партию какого-либо турнира...

Линде.—Новые шахматы были т о р о п л и в ы м и шахматами (Eilschach)*.

Несколько позднее, в первой половине XVI в., повидимому тоже во Франции**, была введена рокировка. Рокировка оказалась единственным из новых правил, которое не встретило сразу повсеместного признания. Различные формы рокировки сохранились до середины XIX в., главным образом в некоторых итальянских государствах. Большинство авторов приняло рокировку (в том числе Лопец). Однако в Италии долгое время была популярна так называемая «свободная рокировка», которая заключалась в том, что ладья передвигалась на любую клетку по направлению к своему королю, а король переносился через нее и ставился на соседнюю клетку; например в результате рокировки могли быть положения Lg1 Kph1; Lb1 Kра1; Lc1 Kpb1 (Джануцио). Согласно неаполитанским правилам (Сальвио) ладью можно было ставить и на e1 (при короле на f1). А например Кэррера в своем труде, относящемся к 1617 г., вообще отвергает рокировку, называя ее д в у г л а в ы м ч у д о в и щ е м***.

Как бы то ни было, почти повсеместно устанавливаются единообразные правила игры,—те самые, которые существуют и в наше время. Появляется ряд шахматных сочинений. Приобретают громкую известность имена целого ряда выдающихся шахматистов.

Постоянные сношения между государствами Апеннинского и Пиренейского полуостровов, естественно, способствовали распространению славы знаменитых шахматистов, а у последних вызывали желание померяться силами с чужеземными мастерами. И таких встреч было немало. Однако по характеру своему эти встречи были очень непохожи на состязания нашего времени. Обычно садились за доску, не обуславливая заранее количества партий.

Есть сведения, к сожалению, весьма скучные, о турнире, состоявшемся в Мадриде в 1575 г. Однако этот турнир совершенно не является таковым в современном смысле слова. К определенному сроку ко двору Филиппа II были приглашены четыре известнейших шахматиста: два испанца, Рю и Лопец**** из Эстремадуры и Альфонсо Серон из Гренады, и два итальянца, Джованни Леонардо из Кутри и сиракузянин Паоло Бони (последний был популярнейшим шахматистом второй половины XVI в., ум. в Неаполе в 1598 г. в возрасте 70 лет). Никакой программы или системы состязаний между ними не было. Победителем этого турнира был признан Леонардо, однако в единоборстве он был побежден своим соотечественником Паоло Бони*****.

* Lind e. Geschichte und Literatur des Schachspiels, стр. 319—321.

** Ibidem, стр. 320.

*** Ibidem, стр. 368.

**** Линде категорически отвергает общераспространенное мнение, что Лопец был епископом (Geschichte und Literatur des Schachspiels, стр. 347).

***** Шахматные авторы начала XVII века сообщают отрывочные сведения об этом турнире, например Pietro Caggia (Il gioco degli Scacchi, Militello 1617) и dr. Alessandro Salviio (Trattato dell'inventione et arte liberale del gioco di Scacchi, Napoli 1604). Последний ко 2-му изданию своего труда, вышедшему тоже в Неаполе в 1634 г., прилагает очерк «Il Puttino, altramente detto il cavalier errante», т. е. «Путтино или странствующий рыцарь», посвященный похождениям знаменитого шахматиста того времени Леонардо да Кутри.

Наиболее ярким мастером эпохи и завершителем ее был Джакино Греко (род. около 1600 г., ум. в 1634 г.), прозванный Калабрийцем, потому что молодость он провел в Калабрии и сам любил называть себя калабрийцем. Дж. Греко рано приобрел репутацию совершенно исключительного по силе шахматного игрока; он много путешествовал—побывал во Франции, в Англии, в Испании*,—и благодаря своему искусству нажил состояние. Умер в Вест-Индии. Дж. Греко оставил после себя рукописи, относящиеся к 1623—25 годам с позднейшими дополнениями; рукописи его, сохранившиеся и до сих пор, уже после его смерти были приведены в систему и изданы, первоначально в переводе на английском языке, в форме учебника или, скорее, сборника партий с теоретическими и практическими указаниями. Потом эта книга была переведена на различные языки, много раз переиздавалась** и до появления исследования Филидора считалась лучшим трудом по шахматам.

Игра Дж. Греко отличалась блеском и красотой; его атаки восхищали остроумием и смелостью. В целом характер его игры производил настолько сильное впечатление и на современников и на позднейшие поколения шахматистов, что создалось даже выражение «калабрийский стиль». Этот стиль единогласно признавался образцовым вплоть до Филидора, который показал методы борьбы с эффектной, но не вполне солидной игрой «калабрийской» школы. Тем не менее до середины XIX века в шахматной прессе часто с восхищением упоминается о «калабрийском стиле».

В течение следующего столетия Европа была охвачена беспрерывными войнами, и шахматы переживали период упадка. Новый подъем шахматной жизни мы наблюдаем во Франции и в Англии в XVIII в. в связи с ростом буржуазии.

Если в предыдущую эпоху своего расцвета шахматы, как и другие виды искусств, процветали главным образом при дворах королей или знатных феодалов, то в XVIII в., в эпоху подъема буржуазии и перехода к капитализму, ареной шахматных состязаний становятся богатые кафе и клубы.

В Париже начала XVIII в. шахматисты собирались в кафе Режанс, и этому кафе суждено было и на будущие времена сохранить особую популярность среди шахматистов. Кафе Режанс, ставшее местом собраний лучших шахматистов Парижа, привлекало и всех любителей шахматной игры. Позднее здесь играли в шахматы Вольтер, д'Аламбер, Дидро и Руссо; существуют рассказы, что в эпоху революции сюда приходили сыграть партию Робеспьер, Наполеон Бонапарт. С половины XIX в., когда шахматная жизнь приняла международный характер, значение кафе Режанс еще больше воз-

* В Италии Дж. Греко играл по итальянским правилам, в других странах—по обычным. И в его рукописях встречаются то партии, игравшие по итальянским правилам, то по обычным.

** Интересно отметить, что Бреславльское издание этой книги 1784 г. (на немецком языке) было первым изданием, в котором была применена алгебраическая нотация,—изобретение издателя упомянутого немецкого издания, некоего Мозеса Гиршеля.

росло: оно стало единственной в своем роде международной шахматной биржей. Его посещали лучшие шахматисты всего мира, тут создавалось общественное мнение, здесь не раз устраивались выдающиеся шахматные состязания. В середине XIX века Кизерицкий издавал шахматный журнал, называвшийся в честь кафе «La Régence». До сих пор кафе украшают бюсты Филидора и Морфи. Кафе существует и поныне, но теперь лишь как памятник былого шахматного величия.

В Лондоне шахматисты того времени собирались в популярном кафе Slaughter'a.

Сильнейшим шахматистом эпохи был знаменитый Ф и л и д о р.

Франсуа Андрэ Даникан Ф и л и д о р (1726—1795) родился в Дре близ Парижа. Он посещал кафе Режанс, где сильнейшим шахматистом был Легаль, игравший со всеми на дачу вперед. Филидор тоже сперва получал от него ладью, но уже через три года играл с ним на равных. По профессии Филидор был певцом, музыкальным композитором и автором многих опер, некоторые из которых пользовались большим успехом. Филидор много путешесвовал. В Лондоне в 1747 г. состоялся его «матч» (пользуясь теперешней терминологией) с сирийцем Стаммом, который Филидор выиграл с результатом +8, —1, =1 (согласно условию, во всех партиях выступка принадлежала Стамму и, кроме того, ничьи считались ему за выигрыши); таким образом формальный результат матча был +8, —2, =0), а затем победил сильнейшего лондонского шахматиста Янсена с результатом +4, —1, =0. В 1751 г., узнав, что прусский король — страстный любитель шахмат, Филидор предпринял поездку в Берлин. Посетив затем нескольких немецких князей, он возвратился в Париж. Там в 1755 г. он победил в матче своего учителя Легала.

Партий Филидора сохранилось очень мало и притом в большинстве дошли до нас игранные на дачу вперед (на равных ему вообще редко приходилось играть) или не глядя на доску.

За последние годы жизни, после 1772 г., Филидор часто ездил в Лондон. По убеждениям роялистов, после начала революции во Франции Филидор окончательно переселился в Лондоне (в 1792 г.); там он и скончался.

Филидор единогласно признавался сильнейшим шахматистом второй половины XVIII в. Его популярность и влияние были огромны. Слава его была создана не только его практическими успехами, но также и тем, что он создал новый метод игры. В течение целого века его имя было нарицательным. Восхищение современников вызывало также искусство Филидора играть три партии, не глядя на доску (д'Аламбер и Дидро даже упоминают об этом в своей «Энциклопедии»).

Свое учение Филидор изложил в книге «L'analyse du Jeu des Échecs», вышедшей 1-м изданием в 1749 г., а потом при его жизни изданной еще два раза, в 1777 и 1790 годах. Позднее эта книга была переведена на многие языки и выдержала огромное количество изданий; достаточно сказать, что Сансон считает свое издание 1871 г. семидесятым. В книге рассмотрено девять дебютов с довольно подробно разобранными вариантами; в числе этих дебютов имеется и ферзевый гамбит, который Филидор называет алеппским гамбитом (потому что ферзевый гамбит особенно рекомендовал в то время сириец Стамм из Алеппо). В отделе концов игр Филидор рассматривает только мат ладьей и слоном против ладьи, «как самый трудный» — говорит он.

В противоположность фигурной, комбинационной игре калабрийской школы Филидор указал на роль пешек в шахматной партии и старался установить принципы правильной игры ими; по терминологии позднейшего времени, он положил фундамент п о з и ц и о н о й игры. «Пешки — душа шахматной партии, — писал он; — от их правильного или плохого расположения зависит успех атаки или защиты; искусство игры ими решает участъ партии». Он совершенно не стремился к фигурным атакам, а обращал все внимание на правильность расположения пешек и планомерность движения их. Вообще, он (единственный до Стейница!), изучая доску и свойства фигур, пытался выработать некоторые общие принципы ведения партии.

Вот несколько примеров:

«Сдвоение пешек не только не вредно, но даже полезно, если при этом пешки приближаются к центру и соединяются».

«Всегда бывает выгодно разменять свою пешку *f* на пешку *e* противника, так как такой размен приводит к усилению своего центра, а также вскрывает линию для деятельности ладии».

«Чем больше продвигается пешка к середине доски, тем больше она способна и нападать и тормозить развитие фигур противника».

«Пешки, особенно центральные, теряют часть своей силы при продвижении на 5-ю горизонталь, так как тогда они легко могут подвергнуться нападению пешек противника с 6-й горизонтали».

Эти мысли Филидора нам могут показаться несколько наивными, однако, высказанные почти 200 лет назад в эпоху безраздельного господства калабрийского стиля, они произвели целую революцию в смысле углубления понимания шахматной игры. Конечно Филидор, как основатель совершенно нового учения, неизбежно впадал и в некоторые крайности. Например, он иногда сознательно пренебрегал выигрышем фигуры, лишь бы не портить расположения своих пешек, или сам отдавал фигуру, чтобы сохранить положение своих пешек ненарушенным. В 1-м издании своего труда он даже объявил ход 2. Kf3 (после 1. e4 e5) неправильным на том основании, что конь загораживает пешку f2; он рекомендовал развивать коня на e2 и считал, что ход 2. Kf3 опровергается посредством 2... d6 с последующим f5. Во 2-м издании указания на «неправильность» хода 2. Kf3 уже нет; там лишь сказано, что вообще следует избегать ставить фигуры так, чтобы они мешали движению своих пешек, но что в этом смысле возможны исключения.

Учение Филидора, если его рассматривать в методологическом отношении, было первой предпринятой в большом масштабе попыткой дать теорию ведения партии—в противоположность прежнему эмпирическому отношению к игре. Продолжателем Филидора, но в еще большем масштабе, будет Стейниц, при котором с особенной яркостью вспыхивает борьба между эмпиризмом и теорией, между «старой» и «новой» школой. Но еще раньше филидоровское понимание роли центра станет могучим оружием в руках гениального юноши Морфи.